

«Намерение наших законодателей имело в виду удержание всеобщей вольности, утверждение прав каждого и простого человека, подавание руки помощи бедным и богатым, защищение бедного от нападения сильного. Если бы нам можно было быть тем, чем со времени последней перемены были, то бы мы остались навсегда страшными».¹

В 1788 г. в вольной типографии такого второразрядного города как Тамбов печатается «Дух Гельвеция», в котором помещены аналогичные сентенции: «Где законы частные пользы присоединяют к общественным, тамо процветает народная добродетель» (стр. 35—37). Книгу издатель заканчивает так: «В правительстве поврежденном, природа и воспитание не могут извести на свет великих мужей; каждый ищет своего благоденствия; но под бременем тягостного скипетра самовластителей турецких просвещение, достоинства и высокие качества не вводят человека в храм благополучия и славы» (стр. 41—42).

«Турецкое самовластие» в условиях особенностей чтения конца XVIII столетия приобретало антимоноархический смысл.

В это же время выходит перевод книги аббата Вертота «Перемены Португалии», где между прочим говорится, что «все несчастья Испании происходят от их двора» (стр. 153).

Выходят «Персидские письма» Монтескье. И наконец из русских выходит «Житие Ушакова» Радищева и начинаются изданием два журнала, во многом враждебные бюрократической монархии, «Почта духов» Крылова и «Беседующий гражданин», издававшийся полумасонским кружком при участии Радищева.

Почти весь круг чтения русского дворянства и русского купечества указывает на живой интерес к политическим вопросам, особенно к вопросам государственного устройства. За ним скрывались поиски перемен, в которых были по своему заинтересованы и аристократия и отдельные представители купечества и, наконец, часть дворянства, вовлеченная в круг буржуазных интересов.

И действительно, первые отзвуки в России на раскаты французской революции еще не были враждебны.

Эти настроения запечатлелись не только в издательской деятельности, о которой говорилось выше и которая почти вся была в руках разночинной интеллигенции, но и в поведении отдельных представителей дворянства.

¹ История правления древних республик, СПб., 1788, стр. 457.